

АЛЕКСАНДР ЗАПЕСОЦКИЙ

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — литературовед: классик и новатор

I

В пору празднования 100-летия академика Д. С. Лихачева в стране состоялся целый ряд соответствующих научных конференций и торжественных заседаний, опубликовано немало юбилейных материалов. И все же представляется уместным еще раз вернуться к вопросу о его вкладе в литературоведение.

Дело в том, что яркое и продуктивное использование результатов лихачевских исследований в литературоведении XXI века удивительным образом контрастирует с отсутствием попыток комплексной оценки роли самого ученого в развитии данной отрасли науки с позиций современного знания. Более того, многие «юбилейные» статьи производят порой удручающее впечатление, сводясь к унылому перечислению публикаций и признанных ранее заслуг академика, вклад в науку которого якобы состоит лишь в «хранении культурного наследия». По

.....
Александр Сергеевич Запесоцкий родился в 1954 году в Курске. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики. Председатель исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, профессор, доктор культурологии, член-корреспондент Российской академии образования, Заслуженный деятель науки России, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

сути дела, лучшей работой о Лихачеве-литературоведе до сих пор остается статья В. П. Адриановой-Перетц, опубликованная впервые в 1966 году¹, и приходится только надеяться, что данный пробел будет восполнен грядущими филологическими поколениями. Однако пока этого не случилось, представляется уместным высказать несколько соображений на данную тему, носящих, как хочется надеяться, дискуссионный характер.

Фактология жизненного пути Лихачева обстоятельно освещена во многих изданиях².

То, что Д. С. Лихачев в 1938 году стал сотрудником отдела (впоследствии — сектора) древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук

.....
¹ Адрианова-Перетц В. П. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Дмитрий Сергеевич Лихачев. М.: Наука, 1966. С. 6–27 (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 7).

² Адрианова-Перетц В. П. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев, 3-е изд. М.: Наука, 1989. С. 11–42 (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17); Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. СПб.: СПбГУП, 2007; *Очень*TM. 2006/2007. № 1. Спец. вып. К 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева; Интернет-сайт «Площадь Лихачева»: <http://www.lihachev.ru>.

(Пушкинского дома), предварительно отсидев около четырех лет в Соловецком концентрационном лагере особого назначения (и написав там несколько блестящих работ, посвященных уголовному фольклору), сейчас широко известно — об этом много говорилось и писалось начиная с «перестроечных» времен. Не является секретом и то, что первой монографией будущего академика была брошюра «Оборона древнерусских городов», написанная им в соавторстве с археологом, профессором М. А. Тихановой в блокадном Ленинграде специально для солдат, защищавших ленинградские рубежи (ее раздавали в окопах).

Кандидатская диссертация о новгородских летописных сводах XII века была защищена в 1941 году, докторская — об истории литературных форм летописания XI–XVI веков — в 1947-м. В общем, достаточно знакомым, по крайней мере, для гуманитариев является и послевоенный творческий путь Д. С. Лихачева, схематически изложенный во многих биографических статьях: в 1950 году он публикует двухтомный труд, посвященный классическому памятнику киевского летописания «Повесть временных лет», в 1954 году возглавляет сектор древнерусской литературы ИРЛИ, в 1958 году издает монографию «Человек в литературе Древней Руси», где впервые была представлена теория смены культурно-исторических стилей в средневековой русской литературе, в 1962 году — «Текстологию» (о ней пойдет речь далее особо), в 1967 году — «Поэтику древнерусской литературы», опровергающую взгляд на «евразийскую» природу русской культуры. Тогда же, в 1960–1970-х годах, Лихачевым написан ряд статей, посвященных крупнейшим фигурам «допетровского» периода отечественной словесности.

Особое внимание Дмитрий Сергеевич уделял «Слову о полку Игореве», противодействуя новому «всплеску» активности авторов, стремившихся поставить под со-

мнение подлинность этого шедевра русского средневековья. Д. С. Лихачев сумел ответить им достойно.

В зрелый период жизни Лихачев действует как подлинный паладин, сражающийся за честь «Прекрасной Дамы» — России, ее великой культуры, являющейся частью культуры мировой. Он «без страха и сомненья» выступал против любого противника и, что очень важно в отечественном историческом контексте, умел побеждать даже в неравной битве. «Все мои статьи имеют не „проповедническую“ цель, а являются определенными поступками в борьбе за сохранение культуры, не только русской культуры, а культуры в целом, — писал Лихачев за год до ухода из жизни, „на санях сидючи“, оглядывая пройденный путь. — Перечислю бегло объекты моей озабоченности: это Невский проспект в Петербурге; Кремль в Соловках; подмосковные усадьбы (в первую очередь Мураново и Шахматово); фрески Ковалева, Болотова, Нередицы в Новгороде; Воронцовский дворец в Алушке; Лесковицы в Чернигове; парки в Петергофе, Пушкине, Гатчине, Павловске, Выборге; озеро Байкал; направление течения рек в Сибири, Средней Азии и т. д.; это научные библиотеки, рукописные собрания, состояние запасников музеев, средних школ и высших учебных заведений; это публикации в серии „Литературные памятники“ воспоминаний „монархиста“ А. Бенуа, житий византийских святых, в Гослите — романа Б. Пастернака „Доктор Живаго“ и многого другого, за что мне неоднократно „попадало“. Не могу сказать, что мои усилия не дали результатов. Напротив, большинство моих акций оказались успешными»¹.

II

Однако само по себе перечисление трудов, заслуг и регалий не может отве-
.....

¹ Лихачев Д. С. Проповедь или поступок? // Русская литература. 1998. № 2. С. 212–213.

тить на главный вопрос, до сих пор не разъясненный массовой читательской аудитории: в чем состоит принципиальное новаторство Д. С. Лихачева в контексте современной ему филологической науки? То, что академический ученый написал много хороших книг по теме его научной работы, не может быть само по себе основанием для придания ему статуса «знаковой фигуры». И во времена Архимеда, и во времена Ньютона, и во времена Менделеева их коллеги тоже писали много и хорошо, но у Архимеда, в отличие от прочих, была еще и его «ванна», у Ньютона — «яблоко», у Менделеева — «таблица». Гений тем и отличается в научном мире от таланта, что за первым стоит некая кульминация его творческих усилий, локализованная во времени и пространстве в ослепительно яркий миг взлета, прорыва, тогда как для талантов существует лишь много частных, скромных успехов на всем протяжении их жизненного пути. Поэтому-то подавляющее большинство ученых остаются в истории науки длинным «списком научных трудов», и только единицы входят в эту историю с кратким, предельно ясным и понятным даже для непосвященных «девизом»-эмблемой, подобной рыцарскому боевому кличу легендарных героев минувших времен:

Lumen Coeli, Sancta Rosa! —
Восклицал в восторге он...

Есть ли подобный девиз у Лихачева-литературоведа? Думается, есть. И этот девиз — «**текстология**».

Как это часто бывает в научной работе, главное открытие Лихачева-литературоведа начиналось с вопросов достаточно частных и как будто далеких от сияющих вершин «высокой науки»: «древникам» лихачевского сектора нужно было окончательно определиться с принципами публикаций русских средневековых памятников. Дело в том, что книги до изобретения Гутенбергом печатного станка, как легко

понять, создавались переписчиками, а рукописные копии, в отличие от печатных, имеют индивидуальные ошибки, пропуски, искажения и дополнения. В результате текст одного и того же произведения, содержащийся в разных дошедших до нас рукописных трудах, существовал в нескольких, подчас значительно отличающихся друг от друга текстовых версиях. Естественно, вставал вопрос: какую из этих версий публиковать? Очевидно, что таковой должна была быть авторская версия, но как ее установить?

Проблема эта возникла задолго до Лихачева, и не в литературоведении, а в богословии, поскольку и Священное Писание первоначально существовало в рукописных списках. Первыми текстологами были ученые «толковники», стремившиеся установить библейский «канонический текст» (о важности этой работы говорит, например, тот факт, что из-за одной-единственной буквы «йота», отличающей греческое слово «единосущный» (*ομοουσιος*) от слова «подобносущный» (*ομοιουσιος*), в III веке шла настоящая многолетняя религиозная война).

В новое время те же проблемы, связанные с изучением рукописных текстов, получили «по наследству» от богословов литературоведы, занимающиеся исследованием светской литературы средневековья. И столетие за столетием исходный, «канонический» текст определяли путем механического сличения рукописей, составляя так называемые «стеммы» — схематические цепочки вариантов текста, объединенных общими ошибками или общими сходными фрагментами. На основании разных комбинаций ошибок или комбинаций сходных мест в разных версиях текста выстраивалась иерархия, которая в теории должна была выявить «безошибочный» вариант, считавшийся исходным. Разумеется, такая «механика» в методике работы литературоведа-текстолога вела ко всевозможным противоречиям и нестыковкам, которые до Лихачева полагались

неизбежным злом. Понимание того, что «арифметика текста должна уступить место исследованию смысла текста»¹, конечно, существовало, но принципы подобного «исследования смысла» оставались непонятными.

Открытие, совершенное Лихачевым, как и любой гениальный прорыв в науке, поражает своей простотой и, главное, нестандартностью в подходе к решению проблемы. Вместо того чтобы бесконечно перетасовывать и комбинировать тексты, выявляя в них все новые особенности, он предложил своим коллегам обратить внимание на то, как и при каких условиях эти особенности могли в текстах появиться. Другими словами, Лихачев впервые в мировой медиевистике сосредоточил внимание не на книге как таковой, а на человеке, пишущем книгу. «Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей, — утверждал Д. С. Лихачев. — Чтобы восстановить историю текста того или иного произведения, надо вообразить за ним древнерусского книжника, надо знать, как работал древнерусский книжник, проникнуть в его психологию, знать его цели, идеологические устремления, знать „механизм“ ошибок. Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал, вносил в него вольные или невольные изменения. Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом»².

Именно это — гениально. Все гениальное — просто. Канту было нужно «всего-то» предположить, что пространство и время не существуют в реальности, а являются категориями человеческого мировосприятия — и произошел переворот в философии. Лобачевскому было нужно всего-то представить, что идеальной Эвклидовой плоскости, в которой могут быть

проложены параллельные линии, в природе нет — и были потрясены все предшествующие представления о геометрии. Лихачеву всего-то и надо было подчеркнуть, что **понять историю создания текста — это и значит понять текст**, — и многие существовавшие до этого момента взгляды на цели и задачи изучения литературы летописного периода стали архаикой.

Действительно, до лихачевской «Текстологии» литературоведы изучали либо текст, либо писателя, так сказать, отдельно друг от друга. В первом случае текст толковался (такой метод называется герменевтическим), то есть литературовед присваивал тексту некоторое значение, основываясь на своем понимании его знаковых особенностей (а большей частью — по произволению своему). Во втором случае (исторический или историко-литературный метод) литературовед изучал биографические документы, позволяющие сформулировать «взгляды писателя», и видел в его произведениях (точнее, в их «идеологически значимых» фрагментах) точно такие же «биографические свидетельства».

И только Лихачев первым попытался связать два этих начала, попытался представить себе, как конкретная личность проявляет себя в процессе создания конкретного текста. Читать без волнения те страницы «Текстологии», где фиксируется этот «момент истины», невозможно. «Заглянем через плечо древнерусского книжника, — предлагает Д. С. Лихачев. — Он сидит на „стульце“, положив рукопись на колени. Рядом с ним на низком небольшом столике письменные принадлежности: чернильница и киноварница, маленький ножик для подчистки неправильно написанных мест и чинки перьев, песочница, чтобы присыпать песком непросохшие чернила. Он пишет не в переплетенной книге, а в отдельных тетрадах, то есть согнутых в два, в четыре раза листах пергамена или бумаги, которые только потом

¹ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб.: Алетейя, 2001. С. 26.

² Там же. С. 62.

переплетают в книгу...»¹ В психологии это называют эмпатией — умением представить себя на месте другого человека. И даже простая зрительная картинка создания рукописи, как пишет Лихачев, сразу «может сообщить исследователю очень много данных, чтобы судить об оригинале рукописи и о тексте. Целый ряд особенностей текста может вызываться именно таким характером переписки рукописи. Оригинал, с которого книжник переписывает или который он перерабатывает, с которым он сличает свою рукопись, лежит не рядом: на коленях места немного. И от этого могут произойти также типичные изменения текста, ошибки и опущения. Оригинал далеко — его можно плохо прочесть, случится и забыть текст, когда пишешь, а снова заглянув в него — перескочить глазом с одной строки на другую и прочесть не тот текст»².

«История текста памятника, — пишет Лихачев, формулируя свое понимание текстологии, — стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере историей их создателей...»³ Поэтому «чтобы восстановить историю текста памятников, текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а часто и историком искусства. (...) На всем пути истории текста стоят люди с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен для нас автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие внимание на судьбу текста, а за этими людьми стоят, в свою очередь,

люди и люди: все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу памятника»¹.

Понимание истории текста как ключа к его содержанию («не в слове — дело, а — почему слово говорится» — от цитирования горьковского Луки здесь удержаться сложно) выводило текстологическую концепцию Лихачева не только за достаточно узкие рамки медиевистики, но и за границы собственно литературоведения. Отталкиваясь от локальных проблем изучения древнерусских рукописей, Лихачев шел к основам семиотики — науки о знаковых системах, имеющей в современном научном мире универсальный характер. Это и стало решающим в его облике литературоведа-новатора.

Следует заметить, что некоторые конкретные результаты лихачевских исследований в настоящее время либо уточнены, либо опровергнуты современными филологами-«древниками». Ничего удивительного в этом нет — наука не стоит на месте. Даже для непрофессионала очень многое в самой лихачевской «Текстологии» сегодня уже кажется очевидно архаичным (так, например, в эпоху информатики звучат трогательно наставления Лихачева в технических приемах для проведения сравнения текстов: «Лист графится на вертикальные колонки по числу списков. Если списков настолько много, что все они не могут разместиться на листе, то к листу справа по горизонтали могут присоединяться (с помощью подклейки или без подклейки) дополнительные листы с вертикальными колонками. В крайней левой колонке пишется текст основного списка...» и т. д.²).

Однако уместно вспомнить, что Зингер, произведя промышленный переворот, запатентовал не швейную машинку, а «швейную иглу с отверстием для продевания нити на остром конце». Он прекрасно

¹ Там же. С. 64.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 33.

¹ Там же. С. 45–46.

² Там же. С. 177.

понимал, что все механизмы изобретенного им устройства очень скоро будут усовершенствованы его талантливыми последователями, но иглу с отверстием для продевания нити на остром — а не на тупом, как это было принято испокон веков — конце в самой технически совершенной швейной машинке никто заменить не сможет. В наследии Лихачева-литературоведа такой «иглой» является его **семиотическая трактовка истории текста**.

Здесь следует сказать еще об одном поразительном открытии Лихачева-литературоведа, находящемся в непосредственной связи с его пониманием текстологии. Это его знаменитое **учение о «хронотипе»**, изложенное в вышедшей вслед за «Текстологией» «Поэтике древнерусской литературы»¹. Культурологов, разумеется, не может не заинтересовать в этой книге критика Д. С. Лихачевым «евразийства» — именно тогда и возникает в его творчестве осознанная культурологическая тенденция, которая позже «эмансипируется» от его литературоведческих изысканий в самостоятельное направление научной деятельности. Но понятие хронотипа интересно среди прочего тем, что, принадлежа, по существу, к «инвентарю» культурологии, оно возникает из сугубо литературоведческих наблюдений Д. С. Лихачева. Ученый приходит к выводу, что многие текстовые особенности древнерусских памятников не могут быть объяснены иначе, как пониманием древнерусскими книжниками времени иным, нежели то, которое сложилось у современных читателей. В частности, если для современного представления «будущее» оказывается перед пребывающим в «настоящем» человеком, а «прошлое» — позади него, то для древнерусских авторов все было иначе. Человек, по их мнению, «пятился в будущее», оно находилось у него «за спиной». Наши предки жили «в про-

шлом и настоящем», тогда как мы живем «в настоящем и будущем».

Прочитаешь такое — и задумаешься. Для человека XX века само собой разумеющейся кажется забота о том, что будет. Во имя того, чтобы завтра было хорошим, мы подчас идем на существенные жертвы сегодня. Многие российские «перекося» минувшего столетия как раз и произошли от того, что общество стремилось к будущему, мало заботясь не только о прошлом, но даже и настоящее свое рассматривая как некую дорогу в прекрасное завтра.

Несомненно, лихачевское понятие «хронотипа» еще не до конца осмыслено...

III

Создав целый ряд значительных работ в контексте современной ему филологии, Д. С. Лихачев немало сделал и для **расширения этого контекста**, реализуя, по сути, **междисциплинарный подход к изучению литературных памятников**.

Следует отметить, что эта сторона его научной деятельности сегодня недооценивается некоторыми литературоведами: «В последние годы жизни, да и **много раньше** Д. С. Лихачев выступил с целым рядом **публицистических** статей и книг о России, русской культуре, интеллигенции, нравственности»¹, — пишет, например, Н. В. Понырко (выделено мною. — А. З.). Примечательно, что в качестве примеров «публицистики» ею называются выдающиеся, важнейшие для гуманитарных наук работы Д. С. Лихачева. Такая оценка содержит очевидный регресс в понимании деятельности академика. Думается, что если уж пытаться переосмыслить оценку, данную этой деятельности Варварой Павловной Адриановой-Перетц, писавшей об «огромном вкладе Дмитрия Сергеевича в

¹ Понырко Н. В. Хранитель культурного наследия России. К 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 11. С. 1026.

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.

различные области научного знания — литературоведение, историю искусства, историю культуры, методологию науки»¹, то никак не в сторону умаления значения «нелитературоведческих» работ до публицистики.

Скорее, для Д. С. Лихачева «литературоведение, история искусства, история культуры, методология науки» не были непреодолимо различными областями научного знания. Дело в том, что в современных науках социально-гуманитарного профиля принадлежность исследователя к той или иной научной дисциплине определяется не столько материалом анализа, сколько методом исследования. Например, один и тот же текст может быть рассмотрен литературоведением, лингвистикой, психологией, историей, социологией и т. д. Изучение литературных произведений древности в принципе не могло вестись методами, аналогичными, скажем, литературоведению Нового времени. Слишком велики утраты, наслоения, ошибки переписчиков. Отсюда — особое значение метода реконструкции, когда утраты восстанавливаются по крупницам косвенных свидетельств, когда понимание каждого слова, буквы проверяется выстраиванием своего рода «параллельных рядов» в живописи, музыке, зодчестве, фактах археологических находок и т. д. Тогда литература далеких времен оживает в мире созвучия других явлений культуры, обретает полноценный смысл в целостной и неразрывной культурной ткани.

Изучение древнерусского литературного наследия широко применяло историко-культурологические методы и до появления в секторе «древников» Пушкинского дома Д. С. Лихачева: «К исследованию древнерусского летописания Дмитрий Сергеевич был подготовлен серьезным критическим изучением трудов своих предшественников, в частности, много-

¹ Адрианова-Перетц В. П. Краткий очерк... 3-е изд. М., 1989. С. 39.

численных работ академика А. А. Шахматова, — пишет В. П. Адрианова-Перетц. И продолжает: — Предстояло существенно углубить „исторический метод“ А. А. Шахматова»¹. И этот метод углубляется путем усиления историко-культурологического аспекта анализа. Дмитрий Сергеевич убедительно показывает, что литературоведческая и историко-культурологическая рефлексии в научном мышлении не противостоят друг другу, а являются параллельными, взаимно дополняющими и обогащающими познавательными процессами.

Аксиоматичная цитата «Поэт в России больше чем поэт» приобретает неожиданное смысловое распространение при попытке определить общее впечатление от научного наследия Д. С. Лихачева. Оказывается, что литературовед в России может быть больше чем литературовед. Дмитрия Сергеевича в последнее время готовы признать своим представителем едва ли не все области гуманитарного знания. Возможно, в этой ситуации содержится отмеченное академиком отражение универсальности русской литературы: «По мысли Гейне („Флорентийские ночи“, гл. I), в Италии „музыка стала нацией“, — писал Лихачев и уточнял: — Я бы сказал, искусства стали нацией. В России же (и это мое утверждение. — Д. Л.) нацией стала литература»². По мнению В. П. Адриановой-Перетц, уже в начале 1950-х годов Д. С. Лихачев выделяется среди современных ему ученых-литературоведов широким научным кругозором, изучая культуру в ее динамике, в культурно-историческом контексте³.

Существует не разделяемое мною, но весьма интересное и парадоксальное

¹ Там же. С. 12.

² Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 170.

³ Адрианова-Перетц В. П. Краткий очерк... 3-е изд. М., 1989. С. 40.

предположение профессора Ю. В. Зобнина¹, что движения Лихачева от литературоведения к культурологии вообще не было, что в его деятельности культурология — это особая форма литературоведения, а литературоведческий анализ осуществлялся им как способ постижения Человека в его личных и общественных проявлениях, в его взаимодействии с природой, миром и т. д. Исходной точкой в этом глобальном исследовании является литературный текст. И он же становится у Лихачева итогом исследования, аккумулируя суть поставленной им проблематики. Так или иначе, но можно предположить, что Д. С. Лихачев не отверг бы в качестве эпиграфа ко всей своей научной деятельности первые слова, когда-либо написанные на славянских языках: «Искони бѣ слово». Правда, такой эпиграф не отразил бы всю специфику деятельности Лихачева-ученого.

Однако широта интересов Лихачева может быть представлена некоторыми его коллегами-филологами и как недостаток, признак если не дилетантизма, то «недостаточной научности». Вспомним, что одним из «моментов самоопределения» современного литературоведения стала статья Б. М. Эйхенбаума со знаменательным названием «Как сделана „Шинель“ Гоголя» (1918)². С этого момента стараниями знаменитой ленинградской филологической группы ОПОЯЗ, считавшей эйхенбаумовскую статью своим манифестом, главным и единственным средоточием собственно литературоведческой научной мысли стал текст художественного произведения. Все остальные аспекты литературоведения должны были отныне выявлять свои задачи и методы, сообразуясь с

¹ Ю. В. Зобнин — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, коллега Д. С. Лихачева по Институту русской литературы (Пушкинскому дому).

² Эйхенбаум Б. О. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О. О прозе. Л.: Художественная литература, 1969. С. 306–326.

их участием в анализе художественного текста. Так были впервые научно обоснованы границы литературоведения как науки¹.

Но именно когда эти границы были научно обоснованы, вдруг стало ясно, что многие великие русские литературные критики — прежде всего Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев — в эти границы не укладываются. Дело в том, что их интересовало не только (если использовать заглавие-формулу Эйхенбаума), как сделана «Шинель», но и то, почему «Шинель» сделана именно так. Попытка ответить на второй вопрос заставляла их сопоставлять ту же «Шинель» с другими явлениями культурной жизни России, видеть в литературном художественном тексте не самоцель своих размышлений, а лишь явление культуры в ряду других, далеко не ограниченных сферой литературы вообще. В XIX веке, не знавшем современной классификации гуманитарных наук, это методологическое противоречие воплотилось в спор сторонников «чистого искусства» и сторонников «искусства для жизни».

Но один и тот же ученый может — в зависимости от своих интересов и задач — **менять методологию** в разных исследовательских работах. А может и не менять. И никому сейчас не приходит мысль заниматься «вивисекцией» наследия, например, Белинского или Писарева. Одно дополняет другое.

Подобное мы можем сказать и о Лихачеве. Из того, что многие его коллеги занимались только «узким» литературоведением, вовсе не следует, что сам Лихачев не мог заниматься и литературоведением в узком смысле (в одних своих работах), и изучением литературы в общекультурном контексте (в других), или и тем и другим вместе (в третьих трудах). Ничего невероятного (и тем более — ничего обидного)

¹ См. подробнее: Запесоцкий А. С. О научном наследии Дмитрия Лихачева // Вопросы литературы. 2006. № 6. С. 52–59.

ни для Лихачева, ни для его коллег — «чистых» литературоведов) в этом нет.

Надо отметить, что Лихачев в своей литературоведческо-культурологической «двуипостаси» был далеко не одинок среди современников. Можно назвать сразу несколько соответствующих имен первой величины. Упомяну хотя бы Юрия Михайловича Лотмана, сочетавшего в себе «узкого» и «широкого» литературоведа, может быть, с еще большей, чем Лихачев, диалектической остротой. И действительно, если разработанную Лотманом литературоведческую методику структурализма (гениальную) применить в качестве оценочного критерия к его же «Беседам о русской культуре»¹ (не менее гениальным), то что-то одно в наследии Лотмана ученого придется «вывести за рамки» в качестве «хобби».

Между тем Лихачев-новатор сознательно и бескомпромиссно нарушает в ряде своих работ традиционно принятые в кругах академического литературоведения «правила игры», смело уходя из узколитературоведческой сферы в сферу более широкую. Обративший на это внимание Р. Милнер-Гулланд цитирует Д. С. Лихачева: «Приходится сожалеть, что у нас слишком мало литературоведов-энциклопедистов, литературоведов, выходящих за пределы своих излюбленных тем»².

Д. С. Лихачев развивал литературоведение как органическую часть универсального гуманитарного знания, охватывающего все пространство человеческого бытия. Чем бы ни занимался ученый, везде он выходил за узкопрофессиональные литературоведческие границы на широкий социально-исторический простор, в многомерность культурного простран-

ства, вписывал изучаемое явление в контекст целого культуры.

Даже в те времена, когда академик занимался, казалось бы, «только» литературой Древней Руси¹, его методом был обобщающий культурологический подход, он исследовал такие вопросы, как системный характер и качественное своеобразие древнерусской письменности, пространство и время художественного, общезстетические характеристики древнерусского творчества.

Но культура никогда не была для Д. С. Лихачева результатом абстрактного «обобщения», арифметической суммой фактов, сведений, имен — он видел ее как целостность, как сущностное ядро обнаружения человека в мире, как многообразие форм такого обнаружения: «Мне представляется чрезвычайно важным, — писал ученый, — рассматривать культуру как некое органическое, целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы взаимодействия и взаимоотталкивания... Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бильярд, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные»².

В этом плане Дмитрий Лихачев шел в русле главных тенденций российской науки XX века, для которой «культурологизм» всегда был имманентно присущей характеристикой, а потребность выходить на широкие культурологические обобщения вытекала из самой логики литературоведческого научного поиска. Постигал ли социально-историческую сущность психического Л. С. Выготский, исследовал ли языковые и литературные закономерности Ю. Н. Тынянов, изучал ли историю философии А. Ф. Лосев, познавал ли приро-

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994.

² Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999–2000. Vol. 6. № 1. P. 149. Робин Милнер-Гулланд — профессор русских и восточноевропейских исследований университета Sussex, автор ряда статей и книг по русской культуре.

¹ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.

² Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 350.

ду сказки В. Я. Пропп, выявлял ли особенности пушкинской поэтики Р. О. Якобсон, прослеживал ли диалоговую природу художественного сознания М. М. Бахтин, исследовала ли природу мифа О. М. Фрейдберг — всюду мы видим выход на широкие культурологические горизонты. И эта традиция целостного постижения культуры, выдающимся представителем которой является Д. С. Лихачев, в высшей степени присуща отечественной гуманитарной мысли, а возможно, и является главной ее отличительной чертой.

Итак, Д. С. Лихачев максимально усиливает в литературоведении русскую традицию целостного постижения, объемного видения культуры.

Как теоретика Дмитрию Сергеевичу свойствен именно концептуальный взгляд на сущность и место культуры в жизни человека и общества. Следует отметить, что базовые, основополагающие воззрения ученого на культуру практически совпадают с классическими, общепринятыми в данной отрасли знания. Культура в его понимании есть человеческая форма жизни, то, что выделяет человека из природы и отличает от других живых существ. Это — человеческое пространство и человеческий способ существования в мире. Как справедливо отмечает академик А. А. Гусейнов, для культурологической концепции Дмитрия Сергеевича особую роль играют два положения: **культура исторична и культура целостна**¹.

Культура цементирует человеческую общность, придает ей ориентиры и самобытность. «Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы

¹ Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева // Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 25.

поведения людей и государства»¹, — пишет Д. С. Лихачев. Культура как пространство, имеющее объем и глубину, культура как духовный континуум обнаружения, взращивания и сохранения ценностей человеческого существования — вот, пожалуй, что могло бы стать обобщающей формулой лихачевского подхода.

И такой подход приносит удивительные плоды ученому. Практически в каждой своей работе Д. С. Лихачев уже в первых строках, а иногда даже в наименовании² дает читателю понять, что предметом его исследования является не просто то или иное явление, а его культурно-историческое измерение³. В результате деятельности академика, интегрированные культурологией, поднимаются на качественно иной уровень междисциплинарные связи литературы и истории⁴.

Разумеется, литература — свидетель истории. Но свидетель своеобразный, скорее даже свидетель-соучастник. Литература в трудах Д. С. Лихачева предстает не только отражением, но и своеобразным проявлением действительности, и эта функция налагает на литературные произведения характерный отпечаток, определяет их национальный колорит. «Русская литература — часть русской истории, — писал Лихачев, — она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую

¹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 349.

² Характерно, что в названиях многих книг Дмитрий Сергеевич включает понятие «культура»: «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства»; «Русские летописи и их культурно-историческое значение»; «Культура русского народа X–XVII вв.»; «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.)»; «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени».

³ Mulner-Gulland R. Op. cit. P. 146.

⁴ Подробнее см.: Запесоцкий А. С. К вопросу об исторической концепции Д. С. Лихачева // Отечественная история. 2007. № 2.

историю и, уж конечно, русскую культуру»¹. Эта позиция ярко проявилась в исследованиях Д. С. Лихачева, посвященных «Слову о полку Игореве». Уже в статье «Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“», вышедшей в свет в 1950 году, Д. С. Лихачев убедительно показал тесную связь образов «Слова» и исторических реалий того времени².

Памятники культуры, и в том числе литературные произведения, по мнению Лихачева, обладали большим влиянием на социум своего времени. Возражая исследователям, которые писали о бесперспективности призывов автора «Слова о полку Игореве» к объединению князей в эпоху феодальной раздробленности, ученый отмечал: «Однако подлинный смысл призыва автора „Слова“, может быть, заключался не в попытке организовать тот или иной поход, а в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеить в общественном мнении вредные феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести... Задачей „Слова“ было не только военное, но и идейное сплочение русских людей»³. Эта мысль о том, что «идейное сплочение» даже в глубокой древности играло отнюдь не меньшую роль, чем военные или политические мероприятия, неоднократно высказывалась Лихачевым и в дальнейшем.

Однако литература не только свидетель и участник истории. Под влиянием

¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. 3-е изд. СПб.: Наука, 1998. С. 10.

² Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950.

³ Лихачев Д. С. Исторические и политические представления автора «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Художественная литература, 1985. С. 144.

Д. С. Лихачева летописи начинают «прочитываться» по-иному, и их значение для исторической науки становится более многомерным. Следует признать, что до Лихачева вымысел и художественность значительно снижали в глазах историков ценность литературных произведений как исторических фактов, исторических памятников. Для него же вымысел и художественность сами по себе предстают историческими фактами.

Особая субъективная включенность литературных памятников в культурно-исторический контекст эпохи делает их, по мнению Дмитрия Сергеевича, и особым историческим источником. Субъективный характер авторских оценок и суждений в глазах ученого только усиливает привлекательность источника для истинного исследователя. «Ни одно произведение прежних веков, — писал Лихачев, — не может быть объявлено „плохим историческим источником“. Нет плохих исторических источников, есть только плохие источниковеды»¹. Детализируя это положение, он отмечал: «Само произведение — „осколок“ прошлого и в качестве такового является свидетельством ошибочных или недостаточных представлений, существовавших о прошлом, памятником общественной мысли прошлого, свидетельством об эстетическом уровне прошлого и т. д.»².

Применительно к «Слову о полку Игореве» Д. С. Лихачев писал еще более polemично, даже резко: «Если „Слово“ — „сплошное вранье“, то и это, как ни парадоксально это звучит, представляет собой источник чрезвычайного значения: „вранье“ — свидетельство психологии своего времени (ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая)»³. Конечно, сам Д. С. Лихачев

¹ Лихачев Д. С. К вопросу о «Слове о полку Игореве» как историческом источнике // Там же. С. 176.

² Там же. С. 177.

³ Там же. С. 178–179.

«Слово о полку Игореве» «враньем» не считал и, напротив, вел довольно жесткую полемику с теми, кто доказывал более позднее происхождение «Слова». Но и будучи отделенной от полемического контекста, данная фраза имеет вполне самостоятельный глубокий смысл, звучит весьма актуально и сегодня. Ведь некоторые исследователи по-прежнему явно недооценивают роль художественных произведений в качестве исторического источника, ставят их неизмеримо ниже, скажем, деловой переписки. Им-то и адресовано четкое определение Д. С. Лихачева: «...степень... точности... никогда не является безусловной»¹. Из этого вытекает, что сами условия, факторы, обуславливающие точность, должны быть включены в контекст исторического исследования.

Следует особо отметить, что наиболее ценной в памятниках литературы, шире — культуры для ученого является созидательная сила человеческого таланта. В различных его трудах настойчиво звучит мысль о том, что успешное развитие общества и отдельной личности возможно только на основе культуры.

К тому же культура не просто «целостность». У нее есть вектор развития, направление, скрепляющий ее внутренний стержень. Целостность культуры распадается либо остается чисто формальной, если ее не скрепляет единая идея. Для Д. С. Лихачева это — ее нравственная составляющая как необходимое условие полноценного человеческого бытия². Вопрос о том, что такое культура, перерастает в вопрос, что делает (или не делает) культура, как она воздействует (или не воздействует) на личность³. Конечно же, ученый видел в культуре и идеальное измерение человеческого бытия, его духовную со-

ставляющую. Заметим, что в том же ключе рассматривал проблему идеального выдающийся российский философ Эвальд Ильенков, для которого идеальное, духовное было смысловым наполнением человеческого существования¹.

Дмитрий Сергеевич отчетливо сознавал, что современный нравственный кризис, разгул нигилизма и вседозволенности, жажда обогащения любой ценой, настоящий шабаш массовой псевдокультуры связаны именно с потерей культурных корней, с утратой «нравственной оседлости», разрушением духовно-личностных опор. Чем жив человек? — вот исходная точка размышлений великого ученого.

Нетривиален его подход к постижению исторических закономерностей развития культуры. Как ученый XX века Д. С. Лихачев не разделял упрощенно-просветительские взгляды на эволюцию культуры, не питал иллюзий насчет ее «однолинейного прогресса». Вместе с тем не был он и сторонником концепций «культурно-исторических циклов», «замкнутых цивилизаций» типа Шпенглера–Тойнби². Его позиция, если можно так выразиться, отчасти вбирала в себя и то, и другое. Отчетливо видя качественное своеобразие культурно-исторических эпох, вступающих во взаимный диалог, чувствуя «уникальный лик» каждой из них, Лихачев тем не менее был убежден в существовании «сквозных линий» в историческом движении, в присутствии общих тенденций, в наличии общей направленности культурного развития.

Указанная общая направленность существует в движении «от хаоса к гармонии», в постепенном, все более отчетливом выявлении высших смыслов человеческого бытия, в приближении к свободе, в нарастании гуманистического начала.

¹ Там же. С. 177.

² Подробнее см.: Запесоцкий А. С. Культурология Д. С. Лихачева и вызовы эпохи // Человек. 2007. № 1. С. 5–15.

³ См. подробнее: Запесоцкий А. С. Педагогическое наследие академика Д. С. Лихачева // Педагогика. 2006. № 3. С. 44–54.

¹ Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

² Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993; Тойнби А. Исследование истории. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006.

В этом Д. С. Лихачев был близок к позиции выдающегося русского ученого Николая Конрада, высказанной им в известной книге «Запад и Восток». Прекрасно понимая всю сложность, противоречивость, порой катастрофичность исторического развития, Н. И. Конрад верил в наличие идеи, пропитывающей и объединяющей разрозненные явления культурной мозаики. Это была для него идея гуманизма. «Идея гуманизма есть высшая по своей общественной значимости этическая категория. Она всегда была высшим критерием настоящего человеческого прогресса»¹.

Характерна в данном плане работа Д. С. Лихачева «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы»². Создана она была на материале эволюции художественного творчества, казалось бы, менее всего поддающегося истолкованию в терминах «прогресса». И все-таки ученый обосновывал наличие общих составляющих, сквозных тенденций литературного развития. К ним он относил: снижение прямолинейной условности, возрастание организованности и личностного начала, увеличение удельного веса «сектора свободы», рост и обогащение гуманистического сознания и ряд других. Само развитие литературы и искусства академик представлял как сложный диалог, взаимопереплетение и взаимоперекличку школ, направлений, сюжетов и тематики, как «контрапункт стилей».

Анализируя динамику литературных и — шире — культурных процессов, Д. С. Лихачев приходит к выводу, что культура не столько (а может быть, и не столько) меняется, эволюционирует, сколько накапливается, усваивается (или не усваивается), создается (или утрачивается). Прошлое не уходит бесследно, не

«заменяется» настоящим, а продолжается в нем, лишь трансформируясь, обновляясь, меняя формы, принимая другие обличия. С этими представлениями было связано видение ученым судьбы древнерусской культуры — центра его научных интересов в первой половине XX века. Академик показывает, что в определенный период «забвение» древнерусской литературы было относительным, что, по сути дела, традиция древнерусской культуры никогда не умирала¹.

IV

Сформировавшись в научном плане первоначально в сфере литературоведения, Дмитрий Сергеевич на завершающем этапе своего пути становится ученым-гуманитарием синтетического типа, формулирующим наддисциплинарные научные идеи и концепции, к полноценному осмыслению и тем более разработке которых гуманитарная наука пока только приближается. К числу таковых в первую очередь следует отнести лихачевское понятие концептосферы языка.

Культура, по Лихачеву, может быть представлена как поле явлений, имеющих языковые значения. В связи с этим представляется исключительно важной разработка академиком понятия **концептосферы языка**. «Концепт, — пояснял ученый, — не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»². Так возникает концептосфера языка, под которой Лихачев понимал «слова-концентраторы культурных значений», несущие специфические ценности, отражающие своеобразие и уникальность данной национальной общности. Смысловое содержание языковых единиц он рассматривал в тесной связи с этнокультурным на-

¹ Конрад Н. И. О смысле истории // Конрад Н. И. Запад и Восток: ст. М.: Гл. ред. восточной литературы, 1972. С. 485.

² Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды. С. 44–86.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Там же. С. 178.

² Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Там же. С. 319.

полнением. Структура и значение языковых единиц, по Лихачеву, непосредственно выводят нас в сферу социально-исторических закономерностей.

Размышляя над первой фразой Евангелия от Иоанна «В начале было Слово», Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивал, что Слово в русской культуре — нечто большее, чем имя вещей. Это нечто предваряющее саму действительность, это идея, определяющая ее воплощение, Логос, который предшествует бытию, определяя все его реальные проявления.

Лихачев раскрыл особую роль национального языка, мир которого удерживает культуру как системную целостность, концентрирует культурные смыслы на всех уровнях бытия — от нации в целом до отдельной личности: «Одно из самых главных проявлений культуры — язык. Язык не просто средство коммуникации, но прежде всего творец, создатель. Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове. ...Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир. Явление, которое не имеет названия, как бы отсутствует в мире. Мы можем его только угадывать с помощью других связанных с ним и уже названных явлений, но как нечто оригинальное, самобытное оно для человечества отсутствует. Отсюда ясно, какое огромное значение имеет для народа богатство языка, определяющее богатство „культурного осознания“ мира»¹.

¹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Там же. С. 354–355.

Национальный язык, считал академик, не только средство общения или знаковая система передачи информации, он выступает «заместителем» русской культуры, формой концентрации ее духовного богатства¹. В этих идеях ученого видится методологический «ключ» к пониманию особой роли языка и литературы в развитии российского этноса.

XX век — время дифференциации научного знания, доведенной во многих случаях до абсурда. Казалось бы, эра ученых-энциклопедистов закончилась в XVIII столетии. Однако теперь яркие открытия совершаются чаще всего на «стыках» наук. По меткому замечанию академика В. Л. Янина, Д. С. Лихачев являет собой пример одного из главных основоположников современной интеграции гуманитарных наук: «Он открыл для себя и для всех нас то связующее звено, которое соединяет (...) прежде дифференцированные дисциплины. Базисом любого национального развития, как это было им доказано, является культура...»² Осмысление литературы как органической части этой системы, по всей видимости, способно принести замечательные плоды новым и новым поколениям последователей Дмитрия Сергеевича.

¹ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Там же. С. 324.

² Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. С. 5.